

И ТЫ УВИДИШЬ: МИР ПРЕКРАСЕН...

Творческий
портрет

ДУМАЛИ вы когда-нибудь о странном и грустном парадоксе актерских судеб? После писателя остаются его книги, после художника — картины. Что остается после актера? Вот приходит он на подмошку — юный, дерзкий, безраздельно отдающий себя Мельпомене. Озаряет талантом чью-то душевную неустроенность, разрешает чьи-то поиски и сомнения. Но годы жестоки своей необратимостью. Герои старых спектаклей — будто люди, пропавшие без вести.

...Неужели больше никогда не оживут сыгранные Алексеем Тепловым персонажи? Не выйдет на сцену «агрессивно-слабый» старик Антонио из «Субботы, воскресенья, понедельника»? Не всплывет легко и блаженно своими маленькими ручками Иван Александрович Хлестаков? Не остановится вдруг растерянно, точно оглядываясь на прожитую жизнь, Шварц из арбузовского «Потерянного сына»?

Словно в прекрасной, но, к сожалению, несуществующей книге, я перелистываю дни и роли актера Алексея Теплова. Встают перед глазами лица: Карандышев в «Бесприданнице», Мохов в «Варварах», Шмага из «Без вины виноватых», царь Федор Иванович... Они выстраиваются длинной и строгой чередой — в завнемости от того, насколько давно превратились в «прошлое». Одних я видел на сцене Омского драматического, знакомого с детства театра. Другие глядели и близоруко и грустно со старых пожелтевших фотоснимков. Все они были удивительно похожи, эти люди. Смешное и трагическое странным образом переплеталось в их судьбах.

И со всех фотографий улыбался один человек. Сорок лет назад он закончил в этом же маленьком театре шестимесячные курсы артистов вспомогательного состава. И получил справку о том, что прослушал курс лекций по истории театра и умеет работать с гримом.

...Не сомневаюсь в одном: почему именно его творческая судьба оказалась счастливой.

В потоке буден, среди ролей и спектаклей, в мелькании которых актер часто так и остается навсегда лишь «подающим надежды», Теплов нашел в театре себя. Был на сцене профессором и солдатом, крестьянином и сапожником, священником, капитаном дальнего плавания... Но среди множества тем — о чем бы спектакль ни рассказывал — видел свою тему.

Его всегда волновала судьба маленького человека, который обязательно должен стать «большим» духовно. Как самое главное для себя артист взял эту старую тему искусства.

...В период, что в поздравительных адресах называют «расцветом творческих сил», Теплов встретил-

ся с режиссером Ефимом Хигеровичем. Постановщиком, многое открывшим в актере. Как-то сразу, «вдруг», поразила зрителей и критиков современность самых «несовременных» его ролей, их философичность и поистине жизненная многомерность.

Одним из наиболее показательных для этого «дуэта» режиссера и артиста был спектакль по пьесе Эдуарда де Филиппо «Суббота, воскресенье, понедельник». Теплов играл в нем дона Антонио. Старого, уже уставшего от жизни, но не желающего из нее уходить. Пылко, хоть в глубине души и не веря себе, он еще говорил о мечте перестроить свое шляпное дело, заказывал портному костюмы с разрезами, как у молодых. Но уже грустно вздыхал: «Да, да, я слышу, как вы говорите: «Бедный дедушка, помните, как он сердился?» И будете улыбаться при этих словах, зная, что я не могу вам ответить...».

Герои постановки жили в мелкой однообразной суете. Обиды — странные и глупые; эгоизм, убивающий чувства; дни, пролетающие безвозвратно. Это была «живая» атмосфера спектакля. «Будьте внимательны друг к другу! — призывал театр. — Перед вами большой мир и большая жизнь...».

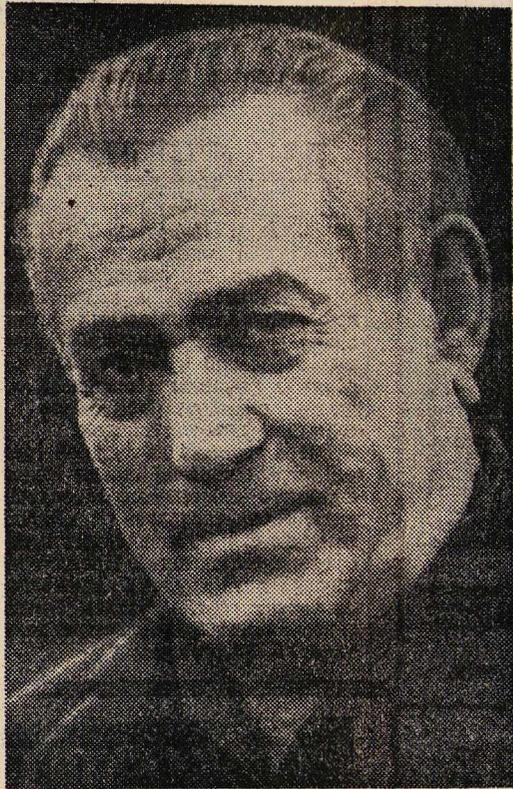
Эта мысль наиболее точно выразилась в образе дона Антонио. Все остальные действующие лица еще только шли к страшной, «зряшной», старости. А Теплов — дон Антонио уже обходился по утрам сонную квартиру, стараясь найти хоть какое-нибудь занятие. Вырывал у знакомых шляпы и портил их, вернее — приводил в порядок. Пытался хоть чем-то заполнить «вакуум» своего существования. Но тщетно. Уже ничего не изменишь...

Эта же трагическая бесповоротность давила и на другого героя Теплова и Хигеровича — Семена Семеновича Двосточие из горьковских «Дачников». Он появлялся в спектакле как снег на голову — из маленького городка, где у него прошла жизнь, где умерли две жены и дети, где однажды он оказался бедным со своим миллионом. Одиноким в своем огромном доме.

Шумный, весь словно пронизанный ритмами бытия, Двосточие — Теплов был чужой среди героев спектакля — робко мечтающих о счастье, чувствующих себя ненужными на земле. И... был такой же, как все. С глубокомысленным вызовом изрекал: «Настоящая любовь, она, как солнце в небе, неизвестно на чем держится». Но по блеску глаз, по дрожи в голосе чувствовалось: ему тоже очень хочется и настоящей любви и счастья.

Из этого парадокса сильной натуры, растерявшей себя на жизненных дорогах, и складывался сценический образ. В нем не было сентиментальности. Оптимизм, типич-

ный вообще для работ Теплова, прозвучал и здесь. Он жил легко, бесшабашно, неприкаянно на сцене, этот пожилой человек со странной фамилией — Двосточие. А в конце спектакля уезжал в свой городок — начинать все сначала. Торопиться, торопиться жить...

ВОТ РОЛЬ, очертания которой, кажется, с самого начала ясны. Издатель Макферсон в «Русском вопросе». Он появляется на сцене во время поединка журналиста Гарри Смита со своей совестью, своей судьбой. Заказывает Смиту книгу о русских, которые «хотят войны». Самому же ему все равно: раньше был левым, теперь — правым. Он точно чувствует, куда дует ветер «большой политики». Гибкий, маленький, какой-то гуттаперчевый весь. Флюгер.

Таково первое впечатление от героя А. Теплова. А о чем он думает, Макферсон? О чем думает, например, вечером, глядя через окно автомобиля на расливающийся в огнях город?

Наивный вопрос, выходящий за пределы пьесы. Где-то там, за сценой, осталась вся жизнь Макферсона. Но удивительно: в исполнении А. Теплова мы легко можем представить себе все. Наверное, так же, как Смит, начиная от простым репортером, которого «ноги кормят», прошел «Дантовские круги» ада и, должно быть, показало ему однажды, что только

деньги смогут сделать проще эту чертовски сложную жизнь. А круг, как всегда, оказался замкнутым. И стал Макферсон слугой денег, слугой своего благополучия.

Банальная история. Артист рассказывает ее немногословно и строго. Со странным, едва уловимым предвосхищением трагичного конца. Ведь он прожил «для себя» жизнь героя. Представил все ее рифы и гавани. И показал положенный по пьесе «кусочек». Но так, что вполне понимаешь трагедию этого человека, вечно пытающегося ко всему приспособиться, его, внутреннюю суть — конформизм.

Спектакль кончается нравственной победой Смита, мы не видим в это время Макферсона. Только знаем: для него это крушение. Вся жизнь исходила от из прошлого, непреложного, кажется, правила: за деньги можно купить все — талант, убеждения, честь. Но кто-то опять нарушил законы старой игры. Кто-то опять нарушил...

ИЩЕ ОДНА тема проходит через все творчество Теплова: тема не дающей покоя человеку совести.

Вспомню: в двух разных спектаклях артист играл двух директоров научно-исследовательских институтов. Двух консерваторов. У того и другого настал тревожный момент, когда кажется: все рухнет, и привычный поток дней изменит свое русло. Тот и другой — «вчерашний день» нашей науки. Но должность, как известно, сыграть нельзя. Вчерашний день тоже не всегда одинаков. Два человека, пошедшие на компромисс с собственной совестью, — какие это, оказывается, разные люди!

Теплов увидел Крутойрва из погодинской «Верности» в неприглядном и интересном преломлении. Он не стал выводить тривиального подлца, что в тридцать седьмом оклеветал учителя, друга, а сам занял в институте его место... Он создал характер страшный своей реальностью и гораздо более типичный. Герой Теплова просто всемоу верил. Публично отрекался. Но — заметьте — первый пришел,

чтобы помочь семье арестованного товарища. Да, у артиста он получился, отнюдь не «осколком культуры» — человеком. У него большое сердце, оно не выдержало так много потрясений сразу. Крутойрв умер. «Он сделал самый правильный поступок в своей жизни» — говорит один из героев спектакля. Это жестоко, это сказано с излишним максимализмом. Но мы понимаем мысль, которую утверждает А. Теплов: за все содеянное нами обязательно приходит расплата. В конце постановки его Крутойрв безысходно мечется по сцене. Пытается понять, что же случилось с ним... Не может. И ему видятся вдруг страшные черные птицы, летающие по комнате. «Меня кличут», — спокойно говорит Крутойрв. Сколько горечи было в этой фразе, произнесенной артистом, сколько прозрения!

...А другой директор института — Прошин — из спектакля, который так и назывался — «Совесть». Драматургия пьесы плохо помогла создать сочный, от жизни, а не от схемы характер. Преодолевая эту однозначность, артист нашел очень точную деталь в поведении героя: его Прошин... поразительно откровенен. Многие в институте понимают, что он представляет собой на самом деле. Но, кажется, он и не пытается это скрыть. Только все свои поступки небрежно прикрывает демагогическими заявлениями.

И тем более тяжело его падение. «Респектабельный» герой делается вдруг невзрачным, жалким. В глазах растерянность: «Разве я сделал что-нибудь особенное? Не я первый, не я последний». Теплов акцентировал наше внимание на этих словах. Ведь он так и не понял ничего, Прошин. Он так и не заметил, что жизнь стремительно, необратимо ушла вперед.

...И когда я смотрел недавний спектакль Омского театра «Смерть Ивана Грозного», где Теплов выступил в роли Никиты Романовича Захарьина-Юрьева, я услышал эту же тему. Тему будоражащей, строго и чисто звучащей в человеке совести. Больше того — мне показалось, что именно здесь она нашла у артиста логическое, высокое завершение.

В постановке Якова Киржиера философская глубина сочетается с редкой цельностью замысла. Сцена полыхает алым. Красный цвет преобладает в декорациях. Тонут в огненном небе купола церквей, кровоточат кресты. Одинокий, страшный, величественный, сидит на своем багровом троне, посреди своего царства, поставленного на крови, — Грозный. И ему уже ясно и четко видится в небе кровавая, печальная звезда — звезда его смерти.

Но прихоти самодержца один за другим гибнут люди. Страшно, героям спектакля. (Чтобы избежать

смерти, унижаются, подличают, предаются). Как-то уютно становится и зрителям в своих мягких креслах. Но спокойно, сосредоточенно, серьезно ходит по сцене Захарьин — Юрьев Теплова — боярин, не имеющий древних предков, честный русский человек. Он все запоминает и внимает всему. Он — самое воплощение справедливости. «Мне гнев его не страшен, мне страшна земли обида», — вот что становится главным здесь для Теплова. Это он, Юрьев, обличает Иоанна в подавлении всего живого. И подозрительный монарх выслушивает его — морщась, грозясь, но выслушивает. Умирая, он завещает сыну советоваться во всем с Юрьевым. Это не кажется неестественным, натянутым. Ведь по мысли постановщика, которую Теплов воплотил очень точно, устами Захарьина говорит сама Русь.

В этом спектакле артист как бы вступил в спор со своими прежними, идущими на компромисс, героями. Но утверждает он все то же: и посреди моря крови можно остаться незапятнанным. И посреди разгула беззакония можно остаться честным. Человек должен всегда оставаться человеком.

СКАЖЕМ теперь об актерском ремесле — о «прозе», которую не замечает зритель в высокой поэзии театра. Теплов и здесь не погнался за новациями, что в избытке предлагало время. Типичный представитель театра переживания, он по-другому старался остаться верным веку. Вслушивался чутко в его пульс: о чем думает современник? Что радостно принимает? Что отвергает решительно?

Впрочем, заметим, что многие качества, характерные для современного стиля актерской игры, всегда были свойственны артисту: скудость выразительных средств; яркость, «выпуклость» немногочисленных деталей; зачастую ровный, совсем будничным голосом... А за этим — так много всегда едва приглушенных эмоций, сдержанная страсть. И когда несколько раз в течение спектакля эти эмоции обычно прорываются, неизмеримая боль или радость за человека охватывает нас. И каждый раз этот «взрыв» неповторим.

Страницы актерской биографии — как книга, которую никогда не прочтешь до конца. Никогда не узнаешь, что могло бы случиться, но осталось лишь неосуществленным мечтанием. Никогда не увидишь того, что было сыграно, но уже ушло, стало прошлым.

...А искусство прекрасно именно тем, что всегда остается в «настоящем времени».

В самый канун нового года Алексей Федорович вышел на сцену в роли шекспировского Полония...

Е. ЦЕИТЛИН.

НА СНИМКЕ: народный артист РСФСР А. Ф. Теплов.

Фото Б. ЧИГИШЕВА.

261